

Рассказ
о первой
любви

О К Н А

Олена Притула

16+

Олена Притула

Окна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31184577

SelfPub; 2018

Аннотация

Рассказ о молодой девушке, мечтающей стать музыкантом, непростых семейных отношениях, первой любви и первой измене.

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Олена Притула

Окна

1

Саша жил на первом этаже вместе с бабушкой, Каринэ Исхаковной. Он был поздним ребенком. После смерти Сашиной мамы, не дожившей всего пары месяцев до сорока шести, бабушка и Саша поселились вдвоем со своим горем. Сашин папа, мужчина видный, задолго до маминой смерти имевший большие виды на будущее, произвел, как он называл это, «перестановку». Он выехал из семейной квартиры в тещину, а тещу, Каринэ Исхаковну, отправил жить к Саше. Вместо себя. Сам он прекрасно расположился в небольшой гольяновской квартирке, куда незамедлительно потянулись женщины. Бабушке Сашин папа обосновал свое решение так: ветераны должны заботиться о тех, за кого отдали жизнь их боевые товарищи. Ни в какой войне Каринэ Исхаковна не участвовала, но была рада разделить жизнь с любимым внуком. Год за годом она стирала ему, варила обеды и жарила ужины, придавала уверенность после уличных драк, словно в бездонной кладовой находя силы с улыбкой откликаться на бесконечное «Ба? А, Ба?» бодрим «Что тебе, моя радость?».

В конце концов, Каринэ Исхаковна достигла цели. К двадцати семи годам Саша вырос, по ее определению, в «сносного» юношу, о котором стоит здесь рассказать...

То, что окружало повседневную жизнь Саши, вряд ли назовешь эстетичным. Ветхий светло-желтый дом барачного типа, кухня с зелеными стенами. Шкафы, не подходящий один другому, выкрашены толстым слоем белой краски еще до Сашиного рождения ... Сюда бы добавить что-то красное, повесить уютный желтый абажур, поставить чайные серебряные подстаканники... Но сколько Саша помнил себя, дом наполняли другие вещи: всевозможные дощечки, салфетки, клеенки цитрусовых, малиновых и прочих цветов. Глянцевые календари с тиграми, псами, лошадьми. Календари менялись, утварь ломалась, другая приходила ей на смену. Каждый день Саша глядел на белые шкафы, и ему казалось, что если краску отколупнуть, под ней обнаружится красивая роспись, витиеватые или строгие узоры, изысканная фреска, на худой конец, старинный логотип. Он попробовал в детстве: достал ножик из ящика и принялся соскабливать краску. Ни фресок, ни узоров не было. Взгляду открылась фанера. Тогда ему крепко досталось от бабушки за порезанные пальцы.

Бабушка вряд ли помнит тот случай. В последние годы стала забывчива. Перестала готовить. «Съешь, Сашенька, конфетку» – достает она из неиссякаемых глубин своего шифоньера карамельки в выцветших от времени обертках. Саша садится на кровать, покорно грызет сладкое вариво. Бабушка гладит его по коленям, по рукам теплыми сухими ла-

донами. При этом говорит что-то, тихо, нараспев. Ему никак не разобрать. И Саша не знает, гладит она его, или кого-то из далекого прошлого. Кого-то, кого жалела так сильно, что и сейчас нежность к этому человеку уносит ее из светло-желтого дома, и ей кажется, что она рядом с ним...

Шестой год Саша работал учителем истории. Не то, чтобы Саша любил детей, легко находил с ними общий язык... Он любил историю. Любил рассказывать всем, кого ни встречал, о древности, о ее великих цивилизациях. В Сашиной памяти хранились тысячи фактов и сотни легенд о египтянах, о трогательных шумерах, кровожадном жестоком Мардуке вавилонян, о первопредке китайцев.

Увлекаясь теми, кого давно нет, чьи представления устарели, но живут в людях так прочно, что люди успели позабыть, откуда те взялись, Саша чувствовал себя вестником из прошлого. Он может позабавить, предостеречь от желания властвовать, манипулировать; дать маленькому человеку, чей мир угловат, на чьей дороге расставлены мины восторга и ловушки страха, пример отваги; рассказать о свершениях и печальном конце одного и того же человека. О хитрости, коварстве другого. Эту речь Саша придумал, когда искал ответ: зачем он все-таки стал учителем? На случай, если его спросят. Представил, что сидит перед комиссией, и сочинил. Саша не преследовал общечеловеческих ценностей,

он любил историю и умел хорошо рассказывать.

2

Она жила на втором этаже в сером добротном сталинском доме, построенным пленными немцами. От Сашиных окон до ее окон не больше тридцати метров. Наблюдая за ней с тех пор, когда она была малахольным подростком с зелеными прядями в спутанных черных волосах, Саша давно заметил, что лучше это делать в ясную погоду. Гнетущее серое небо, облезлые деревья с проволочными ветками тревожили ее.

Она начинала неосознанно, мельком, смотреть на окна других домов – искала подтверждения оставшейся хоть где-то жизни. Она могла его заметить.

Все началось случайно.

Саша и раньше видел ее в окнах. Не придавал значения... Если смотреть строго напротив, на первом этаже в однокомнатной живет толстый диабетик с семейством и больными ногами. Садится в кресло переодеть носки, и вдруг засыпает. Бдительная жена не раз отхаживала его этими носками по лысой голове. На втором живет она с отцом и матерью. Есть еще дрянная собака с вечно вымазанной в чем-то мордой, и кот. Отец шпыняет пса. Мать шпыняет пса и кота. Надо отдать им должное, друг друга они шпыняют с утроенным усердием. На третьем две старушки. Если они не смотрят се-

риалы, то помечают их в телепрограмме. На четвертый и пятый с первого этажа смотреть неудобно.

Первый раз Саша заметил ее на улице. В липкую февральскую метель они оказались рядом на остановке. Она пила сок из бутылки с широким горлышком. Казалось, с каждым новым глотком давала себе обещание не пролить сок на пальто. У нее никак не получалось. Она видела, что Саша смотрит, и ей было неловко. Подошел трамвай. Она вошла, села в первый ряд возле окошка и уехала. А Саша остался стоять, протискивая полное тело в вакуум влюбленности. Помимо воли, он думал о ней все больше. Мечтал, как славно было бы вместе лежать перед рассветом. Молчать, забывая кто ты, зачем ты здесь... Саша чувствовал, как бессельна его жизнь, как пуста ее.

Он смотрел на нее через зрительную трубу, на которую три месяца копил. Позже, когда не мог смотреть, додумывал ее действия, физически чувствовал родство. Каждое ее движение, каждая нелепая привычка, стоило ему вспомнить их в подробности, отзывались в теле сладким ощущением, забирали силы. В эти моменты Саша не мог ни двигаться, ни думать. Он не был собой, он был ей. Саша лежал в центре болота, выгнутый, вывернутый наизнанку, руки, ноги уже в трясине. Еще немного, и трясина его проглотит. Только почему-то это никак не случается...

Если она не занималась на электронных барабанах и не писала что-то, отстраненно глядя в учебник, то обязательно оказывалась возле окна. Брала телефон, обзванивая всех знакомых, пока не наткнется на длинный разговор. Сашу удивляло, что говорит она мало. Больше слушает, думает о своем. Так он узнал, что телефонные разговоры заменяют ей фон телевизора, которого в комнате нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.